

Моим уважаемым читателям

Category: Hekaýalar, Kitapcy, Satiriki hekaýalar

написано kitapcy | 23 января, 2025

Моим уважаемым читателям МОИМ УВАЖАЕМЫМ ЧИТАТЕЛЯМ

Мои уважаемые и дорогие читатели в Советском Союзе!

Как известно, в литературе большое место занимают письма писателей. Они выходят отдельными книгами при жизни их авторов или после смерти. Часто в них полнее всего выявляются личность и мировоззрение писателя.

Но мне кажется, что письма читателей к писателям значительно интереснее, чем письма самих писателей. К этому мнению я пришел путем собственного опыта? Говоря о письмах, полученных писателем, я имею в виду не то, что пишут им собраты по перу, люди искусства, знаменитости, государственные деятели, а то, что пишут рядовые читатели.

Я не знаю, выходила ли когда-нибудь книга читательских писем. Среди многочисленных моих замыслов есть и такой: выпустить книгу писем, полученных мною от читателей. Она лучше чем многое другое раскроет мне глаза на самого себя и познакомит со мной других. Похвала и осуждение, восхищение и разочарование, любовь и неприязнь – в общем, все, что чувствовали люди ко мне и моим произведениям, будет выражено в ней нелицеприятно.

На создание такой книги натолкнули меня три письма – два из них мне прислал турецкий рабочий, одно – русский.

С тех пор как я стал профессиональным писателем, я собираю все письма читателей, группирую их и завожу досье. Как жаль, что писем до 1955 г. у меня сейчас нет, – их забрали полицейские во время бесчисленных обысков моего дома и не возвратили. У меня есть надежда, что эти письма лежат где-нибудь в архивах полиции. Все, что я получал после 1955 года, подобрано по датам и находится у меня. Около сорока полных папок составляют мое богатство.

Турецкий рабочий из города Адана первое письмо прислал мне в 1958 году. Написано оно коряво и неразборчиво. Все четыре

страницы были заполнены самой грубой, отборной, оскорбительной руганью. Во мне он видел предателя родины. Ругань свою он подкрепил рисунком, на котором изображал череп, кинжал, с коего капает кровь, пистолет и виселицу, и угрозой, что в следующее воскресенье приедет из Аданы в Стамбул на футбольный матч посмотреть игру команд «Фенербахче» и «Галата-сарай», а заодно убьет меня и тем исполнит свой великий патриотический долг – уничтожит предателя родины.

Многие мне слали угрозы по почте, но такого варианта – с рисунком еще не было. Я дрожащими пальцами расправил письмо и положил рядом с другими.

Матч прошел, а меня никто не убил.

Минуло три года. В 1961 году я снова получил письмо из Аданы от того же рабочего. На этот раз оно начиналось: «Уважаемый учитель, дорогой мой писатель!». Затем автор письма напоминал мне, что написал три года назад и как угрожал смертью. Подтвердил: тогда он действительно твердо решил меня убить, но не исполнил своего намерения только потому, что не смог приехать в Стамбул на матч, так как хозяин выгнал его с работы и он не смог достать денег на поездку. Написал еще, что с того времени он сильно изменился, что ему очень стыдно сейчас за то письмо, написанное им по неведению с чужих слов. Оказывается, вскоре ему довелось прочитать в газете один мой рассказ и с той поры он стал искать другие. А сейчас он не пропускает ни одной моей книжки. На все, что происходит вокруг, смотрит теперь другими глазами.

Вы знаете, что самое ценное для меня в этом письме? Рабочий из Аданы не скрыл своего имени и адреса ни в первом, ни во втором письме. Обычно авторы, посылающие угрозы по почте, люди трусливые, низкие и предпочитают оставаться неизвестными.

Конечно, я вспомнил этого рабочего. Порылся в досье и нашел его первое письмо.

Я получил много национальных и международных премий, наград, почетных дипломов. Но ничто так не радовало меня, как второе письмо из Аданы.

Такое же чувство вызвало во мне письмо русского рабочего, из Горького, присланное на мое имя в 1966 году в Москву, в Союз

писателей, когда я был в Советском Союзе. Я попросил перевести письмо на турецкий язык. Автор писал, что увидел меня во время телевизионной передачи. Оказывается, он читал мои рассказы, опубликованные на русском языке. Он сообщил, что на днях получает отпуск и приглашает меня погостить у него в Горьком, обещал познакомить меня со своими товарищами, свозить на рыбалку, предлагал отдохнуть в его семье.

К сожалению, мое пребывание в Советском Союзе было расписано заранее, и я не мог воспользоваться его гостеприимством. Но я мечтаю и поныне ответить на его приглашение.

Мысль составить книгу из писем моих читателей не оставляет меня. Если мне представится благоприятный случай выпустить ее, я дам ей название – «Письма к одному писателю» и предварю вот этим посланием, написанным для вас. С теплым чувством и признательностью вспомню я двух рабочих.

Уважаемые и дорогие мои читатели! Желаю вам здоровья и радости!

А теперь позвольте мне занять ваше внимание коротеньким рассказом о своей жизни.

Мой отец тринадцатилетним пареньком приехал в Стамбул из далекой анатолийской деревни. Через несколько лет он встретил мою мать, которая тоже совсем еще девочкой приехала из другой анатолийской деревни в этот чужой город. Чтобы я появился на свет, им надо было проделать длинный путь, встретиться в большом городе и пожениться.

Я не волен был в выборе времени и места своего рождения. Мое появление на свет произошло в очень неподходящее время – в 1915 году. Это были самые кровавые дни первой мировой войны. Не только время, но и место рождения было неподходящим – Хейбелиада, один из Принцевых островов, райский уголок, где не положено жить такому, как я. Эта летняя резиденция самых влиятельных турецких толстосумов, стала моей родиной. Сильные мира сего не могут обойтись без бедняков, они очень нуждаются в их жилистых руках. Вот поэтому-то мы и жили на Хейбелиаде.

Я считаю самой большой своей удачей, что не происхожу из богатой, родовитой или знаменитой семьи.

Мне дали арабское имя Нусрет, что означает «помощь господняя»,

– подходящее для меня имя!.. Мне не на кого было рассчитывать, кроме как на господа бога. На его помощь уповала и вся наша семья.

Древние спартанцы собственноручно убивали своих слабых и хилых детей, только выносливые и сильные имели право на жизнь. В наши дни сама жизнь и общество отбирают достойных. Если я скажу, что из четверых моих братьев выжил только я один, то вы поймете, какой я выносливый, как упрямо цепляюсь за жизнь. Моя мать, достигнув двадцати шести лет, не смогла больше вынести борьбы за существование и оставила этот прекрасный, созданный для жизни и счастья мир.

Десятилетним мальчишкой я вбил себе в голову, что непременно стану писателем. Если бы я в детстве мыслил так, как сейчас, то мне уже тогда было бы ясно, что жизнь не раз вывернет меня наизнанку. А что значило быть в такой тогда отсталой капиталистической стране, как Турция, писателем, и к тому же человеку из семьи, в которой никто не умел вовсе писать и читать!

Мой отец, как и всякий отец, думающий о будущем своего ребенка, говорил: «Выброси из головы ты это писательство, займись настоящим делом, которое тебя прокормит». Увы, я не внял его совету!

Мне часто не удавалось делать то, что я хотел, и я не хотел делать то, что приходилось делать. Я намеревался стать писателем, но надел военную форму. Вместо пера мне дали в руки оружие. В те времена только в военных училищах дети из бедных семей могли учиться бесплатно. Я поступил в училище, и с той поры начались мои неудачи.

В 1934 году вышел закон, по которому каждый турок должен был принять фамилию [1]. Граждане были свободны в своем выборе, и тут-то всплыло наружу все скрытое, темное, низменное. Самые большие скряги выбрали себе фамилию «Щедрые», самые большие трусы стали зваться «Отважными», отъявленные лентяи – «Прилежными». Один школьный учитель, который умел лишь подписываться под письмом, написанным другим, избрал фамилию «Ловкий».

Что касается меня, то мне не досталось красивой фамилии,

которой я мог бы кичиться, и я взял себе фамилию «Несин» («Что есть ты»). Я надеялся, что, когда люди будут обращаться ко мне по фамилии, я стану задумываться над тем, кто я и что я.

В 1937 году я был произведен в офицеры и решил, что стал почти Наполеоном. Каждый молодой офицер в душе мнит себя Наполеоном. Кое у кого эта болезненная мнительность остается на всю жизнь. Вообще-то чем быстрее отделяешься от нее, тем лучше, ибо болезнь эта опасна и заразна. Ее симптомы; пострадавшие грезят о победах Наполеона, но забывают о его поражениях. Заложив правую руку между пуговицами кителя, они наносят карандашом на карту разящие красные стрелы, в пять минут покоряют весь мир. Бредовые мысли, которые томят их горячие головы, накаляют окружающую атмосферу. Болезнь имеет и осложнения. Среди больных наиболее опасны те, кто мнит себя Тимуром, Чингисханом, Аттилой, Ганнибалом, Мольтке и – есть и такие – Гитлером.

В двадцать три года я, новоиспеченный офицер, тоже по нескольку раз в день завоевывал мир, елозя по карте с красным карандашом в руке. Моя болезнь длилась только год-полтора и, к счастью, не имела никаких осложнений.

Еще в армии я начал писать рассказы. В те времена на военных, выступающих в печати, смотрели косо. Мне пришлось свои рассказы подписывать именем отца – Азиз. Этот псевдоним покрыл мое настоящее имя, Нусрет Несин забылся, я стал известен как Азиз Несин.

Подобно многим, я начинал со стихов. Как-то Назым Хикмет посоветовал мне не тратить время на это занятие, потому что стихи мои никудашные. «Пиши рассказы и романы», – сказал он. Я по молодости лет решил, что Назым Хикмет завидует мне. Теперь я отвечаю тем, кто меня спрашивает, почему я перестал писать стихи: «В Турции стихотворством не проживешь». Но, по правде говоря, поэзией не занимаюсь только потому, что очень уважаю этот вид литературного творчества. Если кто-нибудь еще и помнит мои стихи, то, поверьте, лишь потому, что они были подписаны женским именем. На эту «бедную женщину» в свое время обрушилась лавина любовных писем.

Когда я закончил свой первый рассказ (я полагал, что читатели

будут проливать над ним слезы) и принес его в журнал, редактор, человек очень недалекий, вместо того чтобы плакать, залился веселым смехом и проговорил: «Молодец... Прекрасно. Пиши еще такие рассказы и приноси нам...».

Именно с того времени началось мое разочарование, которое не покидает меня всю жизнь. Я ждал, что люди будут плакать, читая мои рассказы, а они смеялись. Даже теперь, когда я стал известен как юморист, я не могу объяснить, что такое юмор. Я научился смешить, создавая грустные рассказы. Меня очень часто спрашивают, как рождается юмористическое произведение. Уж не хотят ли таким образом выпытать у меня рецепт, заполучить готовые таблетки? Исходя из своего опыта, я могу с полной ответственностью заявить: юмор – нешуточное дело.

Когда газета «Тан», где мне довелось сотрудничать в 1945 году, по подстрекательству властей была разгромлена толпой реакционеров, я лишился заработка. Я долго не мог найти работы. Рассказы, подписанные именем «Азиз Несин», никто не брал. В те дни я писал для газет и журналов, пользуясь больше чем двумястами псевдонимами. Сочинял передовицы, фельетоны, репортажи, полицейские и любовные романы, рассказы. Брался за какие угодно жанры. Когда же владельцы газет узнавали меня, придумывал себе новое имя.

Из-за этих псевдонимов произошла большая путаница. К примеру, соединив имена дочери и сына «Оя Атеш», я опубликовал книгу детских рассказов. Их декламировали на утренниках почти во всех начальных школах. И никто не знал, что автор книги не женщина Оя, а мужчина по имени Азиз Несин. Один свой рассказ я подписал французским именем, и он был включен в антологию юмористов мира как рассказ французского автора. А другой мой рассказ, под которым стояло китайское имя, был опубликован как перевод с китайского...

В перерыве между сочинением рассказов я, чтобы как-то прожить, был бакалейщиком, лоточником, счетным работником, продавцом газет, фотографом, но ни на одном из этих поприщ не преуспел. Своими рассказами я заработал себе пять с половиной лет тюрьмы. Причем полгода жизни стоил мне король Египта Фарук. Король Фарук обвинил меня в том, что я оскорбил его особу в

одном из своих рассказов, и при содействии своего посла в Анкаре упек под суд.

У меня двое детей от первого брака и двое от второго.

Первый раз я был обручен под скрещенными саблями моих товарищей-офицеров и под звуки танго «Компарасита». Второй раз обручальное кольцо мне надели через тюремную решетку. Но, возможно, вступать в брак таким образом не самый лучший вариант.

В 1956 году на Международном конкурсе писателей-юмористов я был удостоен первой премии и медали «Золотая пальмовая ветвь». Газеты и журналы, не печатавшие ранее моих рассказов, стали наперебой предлагать свои страницы. Но это продолжалось недолго. В один печальный день мое имя опять исчезло со страниц газет. Пришлось мне вновь победить на новом конкурсе и получить еще одну «Золотую пальмовую ветвь», и тогда мое имя опять замелькало в газетах и журналах. В 1965 году мне присудили первое место на Международном конкурсе писателей-юмористов, и я получил медаль «Золотой еж».

Когда 27 мая 1960 года в Турции произошел политический переворот [2], я с радостью передал одну «Золотую пальмовую ветвь» в дар государственной казне. Через несколько месяцев после этого меня снова бросили в тюрьму. Вторую «Пальмовую ветвь» и «Золотого ежа» я берегу на случай, если они понадобятся в будущем – в такие же радостные дни.

Многих удивляет количество написанных мною рассказов – свыше двух тысяч! Но чему здесь удивляться? Если бы семья, которую я содержу, состояла не из десяти, а из двадцати человек, я вынужден был бы написать в два раза больше.

От окружающих мне удалось скрыть только две вещи: мою усталость и мой возраст. Кроме этого, все у меня на виду и открыто... Говорят, что я выгляжу моложе своих лет. Вероятно, я не успел состариться потому, что всегда по горло был занят, не имел для себя свободного времени.

Я не уверен, что повторю вслед за некоторыми: «Если бы я родился еще раз, сделал бы то же самое». Родись я второй раз, я сделал бы гораздо больше, чем сделал сейчас, и гораздо лучше.

Жаль, что в истории человечества не было ни одного ловкача, сумевшего удрать от смерти, – я последовал бы его примеру. Но что делать, такого примера нет, и не моя вина, если я умру, как и все...

Я очень люблю детей и жизнь и нередко сержусь на себя за это. Вот неоконченный рассказ о моей жизни: по опыту я знаю, что читатели не любят длинных историй, они поскорее хотят добраться до конца... Меня и самого очень интересует, каков он будет, этот конец.

---

[1] Ранее турки имели лишь имена. В 1934 г. Великое национальное собрание Турции приняло закон о введении фамилий. Этот закон упразднил титулы и старые формы обращения (паша, эфенди, бей). Мустафа Кемаль получил фамилию Ататюрк, что значит отец турков, а Исмет – фамилию Инёню, по названию селения, где турецкие войска под его командованием одержали победу над греками в 1921 г.

[2] 27 мая 1960 г. с группой военных, поддержанных широкими слоями населения, был произведен государственный переворот, в результате которого к власти пришло правительство Комитета национального единства во главе с генералом Джемалем Гюрселем.
Satiriki hekaýalar